

А. И. БОГДАНОВИЧ

Критические заметки

〈Рец. на сборник «Литературное дело». М., 1902; фрагмент〉

〈...〉 В научно-публицистическом отделе сборника затронуты самые разнообразные вопросы, но одно объединяет их — современность настроения, молодого и свежего. Мы коснемся только немногого, чтобы показать, насколько сборник отвечает интересам нашего времени. Три статьи в этом отношении особенно характерны: г. Булгакова «Васнецов¹, Достоевский, Вл. Соловьев и Толстой», Николая Бердяева «К философии трагедии» и г. Аничкова² «Вильям Моррис³ и его утопический роман».

В своих четырех «параллелях» г. Булгаков возбуждает один из основных вопросов современности — о национальности, как она проявляется в творчестве народа. По его мнению, «самым заманчивым является тот источник национального самопознания, который открывается в созданиях великих деятелей духа, принадлежащих к изучаемой народности и стихийно отразивших в себе ее черты. Мысль невольно обращается к выделению сходного и основного, что свойственно созданиям национальных героев, и в этом видит квинтэссенцию народности». Объединяющим творчество названных четырех художников и мыслителей началом автор считает религиозное стремление, искать Бога. «Религиозная идея и религиозная страсть определяют собой творчество Васнецова, совмещающего в себе идеалиста и реалиста в самом лучшем смысле этих слов». «Достоевскому принадлежит в раскрытии религиозной жизни и психологии русского народа такое же значение, как Васнецову в живописи». Тоже чувство и те же идеи «являются определяющими и для философской деятельности Вл. Соловьева». Относительно Толстого и говорить нечего: «Для читателя очевидно, сколь без-

мерно значение Толстого в религиозно-нравственной жизни нашего и всего европейского общества». Таким образом, по мнению г. Булгакова, национальное отличие, национальный признак русской народности заключается в религиозной идее.

Странное впечатление производят выводы автора этой талантливой и живой статьи. Не говоря уже об искусственности его сопоставлений, о чрезмерности оценки, например, Васнецова, весьма и весьма манерного и неискреннего художника, — г. Булгаков хватает через край, доходя чуть не до отрицания западноевропейской науки. Так, говоря о Соловьеве, г. Булгаков совершенно неожиданно раздражается тирадой, удивившей нас именно в его устах: «Идеал свободной теократии и переосмотр, критика и переоценка при свете этого христианского идеала нашей теперешней социальной науки, социальных идеалов и общественной жизни, вот самое дорогое завещание, которое оставлено нам Вл. Соловьевым и которое нам надлежит благочестиво исполнить. Вот тема для русских социологов, юристов и экономистов; этим, а не ученическим переписыванием и повторением книжек западной науки со всей ее исторической ограниченностью можно создать самостоятельную научную мысль в России». Странно слышать там речи от профессора политикоэконома, столько обязанного именно западноевропейскому научному духу и западной науке. Мы думаем, что видеть главное отличие русской национальности в религиозности так же односторонне, как односторонне увлечение покойного славянофильства «самобытностью» русского духа, призванного открыть неведомые истины Запада. А «переоценка» западной науки с точки зрения особой русской религиозности — это уже сугубая странность, для которой мы не подыщем имени. Для всякой науки есть один только критерий — истина, а двух истин не бывает, и то, что истинно по ту сторону западной границы, не может, быть ложью по сию, и обратно. Фальшью отдавали в свое время все славянофильские искания своей русской правды, отличной от общечеловеческой, — не звучит истиной и этот призыв к переоценке «при свете христианского идеала теперешней социальной науки». И почему именно русским ученым должна принадлежать эта странная честь? Самостоятельную русскую науку они едва ли создадут этим путем, так как опыт прошлого достаточно убедил всех, что национализм, в какую бы форму он ни облакался, никогда не дает национальной науки. Что сделали славянофилы в научной области? Ничего. Все, чем русский народ может гордиться в науке, сделано людьми, возвышавшимися над партийной рознью славянофильства

и западничества. И это очень понятно. Всякая исключительность, нарочитое сужение умственного кругозора неминуемо влечет к узости, однобокости, мелочности, словом к началам, с которыми не мирится свободное научное исследование, считающееся только с правдой. Вообще г. Булгаков «зарвался», что называется. Местами тон его статьи до того небрежно-вызывающий, что за автора становится неловко. «Философская мысль Германии в течение XIX века служила», по уверению его, «на побегушках у естествознания»; «дешевый естественнонаучный позитивизм», — что это за язык?! Профессору «не к лицу и не пристало» выражаться языком дешевой уличной прессы о предметах первостепенной научной важности.

Впрочем, мы уверены, что как человек науки, и сам г. Булгаков не пойдет в предлагаемом направлении, а просто увлекся им построенной схемой. Несомненно в его статье одно, это — отмечаемое им, оживление религиозного чувства за последнюю четверть прошлого века и в русском обществе, что давно уже принято как факт по отношению к Западу, где религиозное настроение объявило смертную борьбу мещанству. <...>

